

К. Гроос

Введение в эстетику

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К11

К11 **К. Гроос**
Введение в эстетику / К. Гроос – М.: Книга по Требованию, 2021. – 231 с.

ISBN 978-5-458-06800-0

ISBN 978-5-458-06800-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Часть первая: Эстетическая видимость и монархическое устройство сознания.

	Стр.
„Загадочная картинка“	1
Монархическое устройство	4
Чувствование и разум	5
Чувственный элемент	9
Видимость	11
Сила воображения	15
Видимость	18
Эстетическая видимость .	23
„Эстетическое“ и „прекрасное“	34
Художественное подражание .	38
Раскрашивание скульптурных произведений .	45
Эстетика и мораль	55
Терминъ „видимость“	59

Часть вторая: эстетическая видимость и внутреннее подражание.

Внутреннее подражание	62
Форма и содержание	75
Форма .	75
Содержание	82
I. Представления .	83
1) Ассоциативное содержание въ тѣсномъ смыслѣ .	88
2) Символическое содержание .	90
3) Типическое содержание	97
4) Индивидуальное содержание	104
II. Чувства	111

IV

1) Подражательныя чувства	114
2) Удовольствіе, доставляемое внутреннимъ подражаніемъ	129
Природа и искусство	136
Иллюзія и обманъ	143
Заключеніе	148

Часть третья: эстетическія формы

Эстетическія формы	152
I. Прекрасное	153
II. Безобразное	215
III. Возвышенное	235
IV. Трагическое	259
V. Комическое	287

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Эстетическая видимость и монархическое устройство сознания.

Передо мной лежит небольшая гравюра — «загадочная картинка», надъ которой я долго бьюсь. Я вижу два дерева, вѣтви которыхъ сплетаются, по близости домъ, передъ нимъ лишь нѣсколькими штрихами намѣчена земля, а на заднемъ планѣ безоблачное небо. Больше я рѣшительно ничего не могу найти на этой картинкѣ. А между тѣмъ подъ нею написанъ большими буквами вопросъ: «гдѣ кошка?»—и меня со смѣхомъ увѣряютъ, что эта кошка совершенно ясно видна на картинкѣ. Я продолжаю поиски, но какъ я ни стараюсь, не вижу ничего, кромѣ деревьевъ, дома, земли и неба. Мнѣ желаютъ помочь и говорятъ, что кошка тамъ, гдѣ вѣтви деревьевъ образуютъ просвѣтъ. Но тщетно! Просвѣтъ-то я вижу, но не нахожу въ немъ ничего, кромѣ свободнаго, безоблачнаго небеснаго свода; и чѣмъ больше я сосредоточиваю свое вниманіе на этомъ мѣстѣ, тѣмъ невѣроятнѣе кажется мнѣ возможность увидѣть здѣсь что-нибудь другое, кромѣ вѣтвей и неба. Наконецъ я хочу уже отказаться отъ поисковъ и бросаю еще разъ полуравнодушный взглядъ на это мѣсто, не сосредоточивая особенно своего сознания на пейзажѣ—и что же! къ величайшему моему удивленію это мѣсто сразу приобретаетъ совершенно иной видъ: деревья, которыя выступали такъ ясно, начинаютъ ступневываться; просвѣтъ, который мнѣ казался уголкомъ далекаго неба, представляется чѣмъ-то тѣлеснымъ, и на этомъ мѣстѣ я вижу большую, отчетливо нарисованную кошку.

Замѣчательно! Теперь, когда кошка мною наконецъ найдена, я не понимаю, какъ могъ я такъ долго искать эту кошку, — до такой степени ясно, отчетливо стоитъ она передо мною. Мнѣ даже приходится теперь употребить нѣкоторое усиліе для того, чтобы заставить ее исчезнуть и превратиться въ кусокъ неба! Постепенно, путемъ упражненія я достигаю того, что эти линіи кажутся мнѣ попеременно то абрисомъ вѣтвей, то силуэтомъ кошки). Но всегда имѣеть мѣсто одно изъ двухъ: въ тотъ моментъ, когда я смотрю на этотъ рисунокъ, какъ на пейзажъ, и углубляюсь въ разсматриваніе его, исчезаетъ животное; а когда я стараюсь видѣть контуры животного, начинаютъ ступшеываться столь ясный прежде пейзажъ.

Это свойство нашего воображенія, въ данномъ случаѣ выступающее съ особенною ясностью, помимо тѣхъ своеобразныхъ условій, какія представляетъ «загадочная картинка», указываетъ повидимому на общій и важный законъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ мы не относимся ко всѣмъ явленіямъ, съ которыми сталкиваемся, такъ-же, какъ въ данномъ случаѣ къ «загадочной картинкѣ»? Развѣ мы всякій разъ не ограничиваемся такъ же односторонне тѣми только свойствами предметовъ, которые случайно произвели на насъ наиболѣе сильное впечатлѣніе? И развѣ это не относится ко всякой безъ исключенія дѣятельности, которую мы сознательно выполняемъ? Подобно тому, какъ здѣсь мы, исходя изъ представленія о пейзажѣ, разсматривали линіи, исполняющія двойную роль, такъ, что онѣ казались намъ лишь частью пейзажа, не замѣчал ихъ прочаго значенія, — точно

*) Психологическій процессъ, лежащій въ основѣ этого явленія, принадлежитъ той части одновременныхъ (simultane) ассоціацій, которую Вундтъ называетъ „ассимиляціей представленій“. „Grundzüge der physiologischen Psychologie“, изд. 3, 1887, II, 366—368. Сравн. въ особенности ссылку на упомянутую въ этомъ же сочин. (стр. 174) „смыслу представленій при разсматриваніи рисунка, допускающаго двойное толкованіе“.

также мы относимся и ко всякому другому объекту: онъ интересуется насъ лишь постольку, поскольку онъ соотвѣтствуетъ тому комплексу представлений, который въ данный моментъ владѣетъ нами, полагая, что этимъ единственнымъ отношеніемъ и соотвѣтствіемъ исчерпаны все его существенныя особенности. Все остальное, присущее этому предмету, кажется намъ незначительнымъ и лишь на половину воспринимается сознаниемъ. Но стоитъ нашимъ интересамъ измѣниться, какъ тотчасъ же ступиваются тѣ стороны, которыя ранѣе были на первомъ планѣ, совершенно другія свойства предмета овладѣваютъ нашимъ сознаниемъ и кажутся существенными и главными. Какъ хорошо умѣетъ пользоваться этимъ свойствомъ нашей души надежда-обольстительница. Она умѣетъ показать намъ вещи въ такомъ освѣщеніи, что мы сосредоточиваемся только на тѣхъ ихъ сторонахъ, отъ которыхъ можемъ ждать радости и удовлетворенія. Лишь когда обаяніе утѣшенія исчезло, мы неожиданно усматриваемъ когти хищнаго звѣря тамъ, гдѣ раньше наслаждались улыбающимся пейзажемъ. И такъ повсюду: ограниченная способность нашей души къ воспріятію всегда обнаруживается въ томъ, что мы односторонне сосредоточиваемся на одномъ какомъ нибудь пунктѣ, свойствѣ,— для всего же остального сохраняемъ лишь неясное сознание. Фехнеръ обозначаетъ эту особенность сознания какъ «частичный сонъ» и говоритъ: «во время бодрствованія кульминаціонный пунктъ психо-физической дѣятельности мѣняется, и если въ одномъ мѣстѣ онъ поднимается выше, то дѣятельность... гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ понижается, переходя дагѣ за порогъ сознания, и такимъ образомъ въ другомъ мѣстѣ сонъ дѣлается глубже» *). Чѣмъ выше слѣдовательно поднимаются одни предста-

*) G. Th. Fechner: Elemente der Psychophysik, 1860, II, 451. Выраженіе „частичный сонъ“ ведетъ свое начало отъ Лейбница, который по такому же поводу говоритъ о с и ѣ по отношенію къ части чувственнаго ощущенія (изданіе Erdmann'a, стр. 225).

вленія, тѣмъ ниже должны опуститься другія; интенсивно заниматься однимъ опредѣленнымъ представленіемъ можно всегда лишь насчетъ другихъ группъ представленій. Отсюда происходитъ то, что сознание, желая развернуть всѣ свои силы, должно быть всегда устроено монархически; и для внутренняго міра во многазначіи нѣсть добра: одинъ да будетъ властелиномъ, одинъ — царемъ; и здѣсь только въ ограниченіи виденъ мастеръ. Если душа хочетъ усвоить себѣ впечатлѣніе съ возможнымъ совершенствомъ *), она должна предаться ему по возможности всецѣло; чтобы вполне овладѣть имъ, она должна и вполне ему подчиниться. Поэтому представленіе лишь до тѣхъ поръ принадлежитъ ей, пока оно монархически владѣетъ сознаниемъ. Поэтому очень мѣтко выражаются о человѣкѣ, напрягающемъ вниманіе, что «онъ весь зрѣніе» или «онъ весь слухъ»; поэтому страсть, владѣющая человѣкомъ, слѣпа; поэтому объ изслѣдователѣ, углубившемся въ науку, сказано (Гете: «Фаустъ»): «твоя душа закрыта, твое сердце мертво».

Съ этой простой мыслью, которую кратко назовемъ монархическимъ устройствомъ сознанія, мы обратимся къ области эстетики и попытаемся вступить въ нее, исходя изъ установленнаго нами положенія.

Именно въ области эстетики съ наибольшою ясностью выступаетъ монархическое свойство сознанія; ибо при эстетическомъ удовольствіи душа всецѣло отдается во власть пріятнаго впечатлѣнія и сливается съ нимъ; мысль и воля, понятіе и интересъ — эти два полюса сознательной душевной дѣятельности — занимаютъ только подчиненное положеніе, а удовольствіе отъ эстетическаго впечатлѣнія, какъ такового, настолько овладѣваетъ нашимъ сознаниемъ, что Кантъ въ своемъ

) Т. е. въ тѣхъ случаяхъ, когда неясная перцепція смѣняется ясною аперцепціей.

знаменитомъ опредѣленіи совершенно исключилъ изъ области прекраснаго понятіе и интересъ. Точно также эстетическое впечатлѣніе повидимому далеко и отъ матеріальной дѣйствительности въ томъ видѣ, какъ она представляется нашимъ чувствамъ: оно принадлежитъ къ особой области, которая свободна отъ суровой реальности матеріи и противопоставляетъ объективной дѣйствительности субъективную видимость.

Отсюда вытекаетъ необходимость поставить прежде всего вопросъ, какая функція сознанія занимаетъ въ эстетическомъ впечатлѣніи «кульминаціонный пунктъ психо-физической дѣятельности». Какой-же отвѣтъ мы получимъ? Уже теперь мы можемъ сказать слѣдующее: усматривать здѣсь своеобразную, таинственную способность, посвященную исключительно воспріятію красоты, — мистическое созерцаніе трансцендентныхъ совершенствъ, нѣтъ ни малѣйшаго основанія. И эстетическое удовольствіе примыкаетъ къ обычнымъ, постоянно встрѣчающимся проявленіямъ душевной жизни — съ тою только, какъ мы увидимъ ниже, разницей, что психическая дѣятельность, преобладающая при эстетическомъ впечатлѣніи, въ обычномъ сознаніи не занимаетъ кульминаціоннаго пункта, а скорѣе похожа на мостъ, черезъ который дѣловая будничная жизнь непрестанно и бурно стремится, не думая ни о чемъ другомъ, кромѣ соединенія съ противоположнымъ берегомъ; и требуется воскресное, праздничное настроеніе, для того, чтобы явилось желаніе остановиться на этомъ мосту и насладиться открывающимся съ него видомъ.

Если мы бросимъ бѣглый взглядъ на исторію эстетики, то найдемъ, что у большинства извѣстныхъ эстетиковъ, не смотря на все различіе между ними, несомнѣнно всегда проглядываетъ одна и та-же мысль, которая то болѣе то менѣе выдвигается ими на первый планъ. Мысль эта состоитъ въ томъ, что въ эстетическомъ впечатлѣніи, какого-бы рода оно ни было, всегда принимаетъ участіе какъ чувственный, такъ и духовный элементъ, что слѣдовательно эстетическое занимаетъ мѣсто гдѣ-то по срединѣ между этими элементами. Какъ слѣдуетъ при этомъ понимать духовный элементъ,

какимъ путемъ онъ связывается съ чувственнымъ, — относительно этого существуютъ самыя разнообразныя воззрѣнія. По соединеніе, совмѣстное дѣйствіе чувственнаго и духовнаго факторовъ признается почти всѣми; а гдѣ этого нѣтъ, гдѣ слишкомъ пренебрегаютъ одной стороною ради другой, или гдѣ является стремленіе ограничиться исключительно одной стороною, тамъ объясненія тотчасъ-же приобрѣтаютъ сомнительный характеръ и становятся неудовлетворительными.

Такъ, хотя Платонъ и говоритъ, что истинно прекрасное можно найти лишь въ трансцендентной области духа, но говоря о красотѣ, какъ о явленіи, онъ представляетъ ее себѣ изображеніемъ идеальнаго, духовнаго въ матеріальномъ и чувственномъ. Аристотель требуетъ, чтобы искусство воспроизводило вещи не только такъ, какъ онѣ есть, т. е. какъ онѣ представляются нашимъ чувствамъ, но и какъ онѣ должны быть, — слѣдовательно такъ, чтобы онѣ удовлетворяли духовной потребности. У Плотина красота есть воплощенная въ чувственную форму идея. «Смутное представленіе» (*verworrene Vorstellung*) Баумгартена есть чувственность, но такая, которая составляетъ лишь низшую ступень въ чисто духовной области. Кантъ учитъ, что чувственное воображеніе и разумъ суть тѣ способности, которыя приводятся въ дѣйствіе красотой. У Шеллинга краснотю проходитъ мысль объ отношеніи между реальнымъ и идеальнымъ, что въ послѣднемъ своемъ основаніи стоитъ въ связи съ противоположностью между началами чувственнымъ и духовнымъ. Гегелевская школа, а также Эдуардъ фонъ-Гартманнъ учатъ, что черезъ посредство чувственнаго проявляетъ свое дѣйствіе нѣчто идеальное и этимъ путемъ порождаетъ красоту. Кирхманнъ понимаетъ красоту какъ исполненную души реальность; точно также умѣренные формалисты придерживаются того, что чувственной формѣ присуще отношеніе къ области духа. — Изъ этихъ примѣровъ, которыхъ можно бы привести гораздо больше, можно очевидно вывести заключеніе, что эстетика уже съ давнихъ поръ

чувствуетъ потребность дать красотѣ положеніе промежуточное между сферами чувственною и духовною.

Однако съ такою общею, скудною по своему содержанію и неопредѣленной мыслью нельзя еще приступить къ изслѣдованію. Предварительно необходимо привести въ ясность, какъ понимать «духовное» начало, ибо въ этомъ именно пунктѣ существуетъ величайшее разногласіе между различными системами. Чувственный элементъ повсюду одинъ и тотъ-же, потому что всѣ мы наслаждаемся красотой при помощи однихъ и тѣхъ же чувствъ. Своею чувственною стороною красота примыкаетъ къ части общихъ психическихъ функций, — она прочными, неразрывными узами связана съ эмпирическимъ субъектомъ. Не то духовный элементъ. Тутъ исчезаетъ трезвая достовѣрность опыта, и красота безпокойно витаетъ въ области метафизики. Одинъ эстетикъ усматриваетъ ее въ абсолютной волѣ, другой—въ трансцендентномъ разумѣ, третій—въ вѣчной любви или даже въ лонѣ самого божества. По этому пути мы не желали бы слѣдовать; прежде всего эстетическое и со стороны входящаго въ него духовнаго элемента должно быть приведено въ прочную и неразрывную связь съ условіями познаваемаго на опытѣ. Поэтому мы будемъ понимать духовный элементъ эстетическаго представленія исключительно какъ субъективный, руководящійся опытомъ и доступный опыту разумъ.

Чувствованіе и разумъ—вотъ тѣ полюсы, вокругъ которыхъ вращается вся душевная дѣятельность; только путемъ ихъ совмѣстнаго дѣйствія возникаетъ въ насъ то, что мы называемъ опытомъ. Величайшая заслуга Канта заключается въ томъ, что онъ ясно и точно выразилъ эту прочную связь. «Природа наша», говоритъ онъ, «обуславливаетъ то, что наше воззрѣніе (*Anschauung*) не можетъ быть никакимъ инымъ, кромѣ какъ чувственнымъ, т. е. оно отражаетъ на себѣ тотъ способъ, какимъ предметы производятъ на насъ впечатлѣніе. Напротивъ—способность мыслить о предметѣ чувственнаго воззрѣнія есть разумъ. Ни одному

изъ этихъ свойствъ нельзя отдать предпочтенія передъ другимъ. Безъ нашей чувственности мы не могли бы воспринять ни одного предмета, а безъ разума мы ни объ одномъ изъ нихъ не были бы въ состояннн мыслить. Мысли безъ содержанія—пусты, представленія (Apschaungen) безъ понятій—слѣпы» *).

Но именно потому, что эта двоякаго рода дѣятельность сознанія такъ тѣсно переплетена одна съ другой — именно поэтому для изслѣдователя нашей душевной жизни чрезвычайно важно распутать эту связь и опредѣлить, что можетъ совершить каждая изъ этихъ функций въ отдѣльности. Тщательная и обстоятельная разработка этого вопроса есть дѣло общей психологнн и не можетъ поэтому составлять цѣли нашего изслѣдованія. Однако, и для цѣлей нашего изслѣдованія по эстетикѣ важно хотя бы отчасти заняться возникшимъ здѣсь вопросомъ, — важно выяснитъ, какое мѣсто занимаетъ эстетическая точка зрѣннн въ душевной дѣятельности человека. Эстетическому воззрѣнню повидимому свойственъ совершенно особый родъ чувственнаго содержанія, равно какъ и особый родъ духовныхъ отношеннн: наши чувства иначе воспринимаютъ и нашъ умъ иначе относится къ воспринимаемому, чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ не-эстетическомъ состояннн. Поэтому надо прежде всего установить два пункта. Душевная жизнь человека состоитъ изъ представленнн (принимая это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ), которыя: 1) имѣютъ опредѣленное содержанне и 2) связаны между собою самыми разнообразными отношенннми. Поэтому, мы здѣсь попытаемся вкратцѣ выяснитъ, что можетъ дать чувство и разумъ въ отдѣльности для содержаннн и отношеннн представленнн. Можетъ быть, уже и при такомъ раздѣленнн намъ удастся развязать узелъ, который такъ тѣсно связываетъ чувство и разумъ въ ихъ совмѣстной дѣятельности; мо-

*) Kritik d. r. Vernunft. изд. Kehrbach'a стр. 76 и сл.